

ГРЕКИ В МОСКВЕ

Русская церковь сохранила тесные связи с православными греческими монастырями на Афоне. При Василии III московские книжники вели работу по исправлению и переводу богослужебных книг. В помощь им с Афона прибыл образованный богослов Максим (Михаил) Грек, приглашенный в Москву великим князем. Максим происходил из знатного византийского рода Триволис. В 1492 г. он отправился учиться в Италию и провел там десять лет. Во Флоренции он познакомился с выдающимся философом Марсилино Фичино, был свидетелем падения тирании Медичи и торжества Савонаролы. После гибели его Максим уехал для завершения образования в Венецию. В Италии он принял католичество, по возвращении на Афон вернулся в православие. В лице Максима образованная Россия впервые столкнулась с ученым-энциклопедистом, получившим глубокие и многосторонние познания в итальянских университетах. Принципы филологической науки Возрождения, которыми руководствовался Максим при переводе книг, были самыми передовыми для своего времени.

Будучи в России, Максим написал множество оригинальных сочинений. Его толкования церковных писателей древности стали одним из немногих источников, откуда русские люди могли черпать разнообразные сведения, включая античную мифологию.

Максим Грек не дал втянуть себя в распри, терзавшие русскую церковь. Это позволило ему многие годы заниматься переводом церковных сочинений и исправлять старые русские книги.

В начале XVI в. сторонники церковной унии не прекращали своей деятельности в Москве. Одним из них был медик Никола Булев, приглашенный греками из Рима. По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату Иосифа Волоцкого Вассиану. В письме он от-

стаивал идею единства веры и «приводил» истинное русское православие «к соединению латынскому». Рассчитывая на поддержку греков, лейб-медик просил Максима Грека изложить историю разделения христианской церкви, чтобы вразумить русских. Философ был самого высокого мнения об удивительной мудрости Булева, однако резко осуждал его приверженность католицизму.

Сын Дмитрия Грека Траханиота Юрий Малый Траханиотов сделал в Москве блестящую карьеру, став казначеем и одновременно печатником, или хранителем государственной печати. Австрийский посол называл его главным советником Василия III, «мужем выдающейся учености и многосторонней опытности». Как и отец, Ю.Д. Траханиотов был приверженцем унии. Посол прусского ордена Д. Шонберг вел длительные беседы с казначеем о соединении церкви. Из этих бесед посол вынес впечатление, что русские согласны на унию с католической церковью. О своих впечатлениях Шонберг немедленно сообщил в Рим. Имперский посол Франческо де Колло тогда же беседовал с Н. Булевым и также заключил, что Москва готова принять унию.

Папа римский в 1519 г. передал Василию III предложение принять титул царя и присоединиться со всей землей к церковной унии. Московский великий князь отклонил предложение.

Василий III сознательно старался создать на Западе представление, будто Россия готова вступить в антитурецкую лигу. Одновременно он деятельно хлопотал о мире и союзе с Портой. Главная цель его дипломатической игры состояла в том, чтобы использовать союз со Священной Римской империей для войны с Польшей. Но в окружении великого князя были люди, искренне желавшие сближения с католическим Западом. К их числу принадлежали греки.

Московские иерархи прощали грекам их симпатии идее объединения христианского мира, пока видели в католиках союзников в деле искоренения иудаизма в Европе. После рас-

правы с еретиками положение изменилось. В правление Василия III все больше сокращались культурные связи с Италией, падал интерес к достижениям западного мира. Наметившийся поворот в сторону Запада так и не совершился.

Положение греков в Москве отличалось некоторой двусмысленностью. По традиции московские книжники продолжали видеть в них своих учителей. Одновременно сторонники национальной церкви отказывались подчиняться авторитету константинопольского патриарха.

Мысль о превосходстве русского православия над греческим обрела после падения Византийской империи многих сторонников в России. В 1514—1521 гг. монах псковского Елиазарова монастыря Филофей обратился к Василию III с важным посланием. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша (пали), — утверждал Филофей, — а третий стоит, а четвертого не бывать». В основе концепции Филофея лежало представление о некоем «Ромейском царстве нерушимом», сложившемся в эпоху Августа, к которой относились деяния и земная жизнь Христа. «Великий Рим» сохранил свое физическое бытие, но потерял духовную сущность, будучи пленен католичеством. Оплотом православия стало греческое царство, но оно попало под власть «неверных». Крушение двух царств расчистило место для московского православного царства.

В послании государеву дьяку Мисюрю Мунехину Филофей уточнил свою идею следующим образом: греческое царство «разорися» из-за того, что греки «предаша православную греческую веру в латинскую». Русскому двору импонировали рассуждения об исключительной исторической миссии Москвы. Но не удается обнаружить доказательств того, что теории Филофея приобрели характер московской официальной доктрины. Василий III был по матери греком и гордился своим родством с византийской императорской династией. Греки,

близкие к великокняжескому двору, нападки на византийскую церковь встретили с понятным возмущением. Мать Василия III воспитывалась в Италии. Сам Василий, не чуждый духа греко-итальянской культуры, покровительствовал Максиму Греку и поощрял его деятельность по исправлению русских книг. Сомнения в ортодоксальности греческой веры ставили его в щекотливое положение.

По наблюдению П. Паскаля и В. Водова, в «русском христианстве» версия христианских идей и текстов приобрела ярко выраженный национальный характер. За полвека существования русская церковная культура неизбежно должна была приобрести некоторые самобытные черты. Не менее существенно и другое обстоятельство. Первоначально византийская церковь следовала Студийскому уставу, ставшему основой русского. Однако в XII—XIII вв. в Византии преобладание получил Иерусалимский устав. Московские митрополиты из греков Фотий и Киприан затеяли реформу с целью введения этого устава на Руси, но не довели дело до конца. Разрыв с Константинополем после Флорентийской унии увековечил древневизантийские черты в русской церковной культуре. Помимо всего прочего, старые славянские переводы греческих книг содержали множество ошибок и искажений. Таким ученым богословам, как Максим Грек, вооруженным методом филологической критики, нетрудно было обнаружить эти ошибки.

Среди московских образованных монахов деятельность Максима поначалу вызывала сочувствие, тем более что греку покровительствовал сам великий князь. Однако в 1522 г. Максим Грек подверг критике процедуру избрания московского митрополита Даниила, что изменило отношение к нему властей. После отказа подписать Флорентийскую унию русские митрополиты перестали ездить «на поставление» в Константинополь. Максим не мог смириться с вопиющим нарушением прав главы вселенской православной церкви. Даниил был избран на московскую митрополию без благословения патриарха, а следовательно, в нарушение закона. Максим Грек доказывал ошибочность решения московского собора не принимать

назначения на митрополию «от цареградского патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя». Ученый инок опровергал идею о «поругании» греческого православия под властью турок и отстаивал мысль о неоскверняемой чистоте греческой церкви. Философ без обиняков говорил, что считает избрание Даниила «безчинным».

Ученые греки пытались вернуть русскую церковь в лоно греческой. Ортодоксы увидели в их домогательствах покушение на независимость московской церкви. Споры о «чистоте» и «изрушении» греческой веры побуждали ученых греков все резче отзываться о «заблуждениях» москвитов и ошибках в их богослужебных книгах. В свою очередь, московские монахи, отстаивая ортодоксальность старых русских книг и обрядов, стали обвинять греков в ереси.

Василий III понимал, сколь важна для него поддержка московской ортодоксальной церкви, и, когда жизнь поставила его перед выбором прослыть сторонником греческой «прелести» или главой истинного православного царства, он недолго колебался. Некто Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Русские дипломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил жене Марка выехать на Русь. Впоследствии Константинополь пытался выволить самого Марка из плена. Судя по тому, что Марк вел доверительные беседы с государем, он был одним из придворных лекарей. По словам С. Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу тяжелых заблуждений русского православия. За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез. Ю. Д. Траханиотов также пытался отстаивать красоту греческой веры, а заодно выволить Марка из беды. За это его отрешили от всех должностей. Впрочем, своего любимца монарх наказал лишь для вида. Очень скоро его вернули ко двору и ввиду его болезни позволили носить на носилках «наверх» в комнаты государя.

Митрополит Варлаам не проявлял должной твердости по отношению к грекам. Но его преемник Даниил прежде всего постарался избавиться от Максима Философа. Осифляне до-

знались о сомнительном прошлом Максима Грека, принявшего католичество во время учения в Италии. Среди ревнителей московской старины возникли подозрения, что Максим портит старые русские богослужебные книги. Ортодоксы были убеждены в святости и неизменности каждой буквы и строки этих книг. Едва ли не самый знаменитый каллиграф своего времени Михаил Медоварцев живо передал чувство потрясения, которое он испытал при исправлении церковных текстов по указанию Максима: «Загладил (стер. — *Р.С.*) две строки, и вперед глядети посумнелся есми... не могу... заглаживати, дрожмя великая поимала и ужас на меня напал».

Иосиф Волоцкий чтит дух и букву писания. Его ученики далеко превзошли своего учителя в начетничестве. Митрополит Даниил с крайним неодобрением относился к деятельности чужеземца-переводчика. Во время судебного разбирательства Максим признался: «...говорил, что здесь на Руси (священные. — *Р.С.*) книги не прямы, а иные книги переводъчики перепортили, не умели их переводить, а иные книги писцы перепортили, ино их надобно переводити».

Осифляне постарались любой ценой скомпрометировать Грека в глазах монарха. На суде трое свидетелей показали, будто Философ занимался колдовством: «Волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех», и, когда государь гневался на инока, «он учнет великому князю против того что отвечивати, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев на него часа того утолит и учнет смеяться».

Максим Грек обладал острым умом, обширными богословскими познаниями и в совершенстве владел приемами риторики. Неизвестно, чем бы закончился суд, если бы судьи допустили свободный диспут. Стараниями Даниила прения на соборе свелись к мелочным придиркам в духе Иосифа Волоцкого. Исправляя по приказу Василия III Цветную триодь, Максим Грек внес в службу о Вознесении исправление. Вместо «Христос възде на небеса и седе одесную отца» он написал: «седев одесную отца». Ортодоксы учили, что Христос сидит вечно

«одесную отца». Из исправленного текста следовало, что «сечение» было мимолетным состоянием в прошлом — «яко сечение Христова одесную отца мимошедшее и минувшее». На допросах Максим защищал свое исправление, отрицая «разньство» в текстах. Но позднее он признал ошибочность своего написания и объяснил дело недостаточным знанием русского языка.

Чтобы утвердить незыблемость московской веры, митрополит Даниил в 1531 г. добился суда над Вассианом Патрикеевым и повторного розыска о провинностях Максима Грека. Писец показал на суде, что Грек делал исправления с одобрения князя-инока. «Ты слушай меня да Максима Грека, — говорил Вассиан Патрикеев чудовскому переписчику, — и как тебе велит писати и заглаживати Максим Грек, так учини. А здешние книги все лживые, и правила здешние кривила, а не правила». После того как переводы Максима Грека поставили под сомнение святость старых книг, вопрос об отношении к русским святым приобрел исключительно острый характер. На суде Даниил, обращаясь к Вассиану, заявил: «А чюдотворьцев (русских. — *Р.С.*) называеши смутотворцами», потому что они «у монастырей села имеют и люди». И обвинитель, и обвиняемые не забыли старых споров о церковных «стяжениях». Но теперь оба затронули эту тему как бы вскользь. Не касаясь подробностей дела, Вассиан отвечал своему обвинителю: «Яз писал о селах — во Евангелии писано: не велено сел монастырем держати». Митрополит сослался на тексты из Кормчей и старых святых. На это Патрикеев отвечал: «Те держали села, а пристрастия к ним не имели». Когда же Даниил указал на пример новых чудотворцев, Вассиан ответил: «Яз того не ведаю, чюдотворцы ли то были». Судьи пытались использовать сочинения и толкования Вассиана для обвинения его в ереси. Князь-инок мужественно защищался, пуская в ход иронию и блестящее знание богословских сочинений. Вассиан не скрыл от собора своих сомнений по поводу догмата о двойной природе Христа, что имело для опального самые неблагоприятные последствия. Митрополит Даниил с гневом обрушился на ере-

тические «мудрствования» Вассиана о том, что «плоть Господня до воскресения нетъленна». Вместо покаяния собор услышал твердые слова: «Яз, господине, как дотоле говорил, так и ныне говорю». Зловещую роль на процессе Патрикеева и Максима Грека сыграл любимец Василия III — М.Ю. Захарьин. На суде он утверждал, будто в Италии Максим и 200 других лиц выучились у некоего учителя «любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей, да уклонились и отступили в жидовский закон и учение»; папа римский велел их сжечь, но Максим спасся, сбежав на Афон. Если бы Захарьину удалось доказать свои обвинения, еретика можно было послать на костер. Но Максиму Греку принадлежало несколько обличительных посланий против иудаизма, и выступление ближнего боярина не достигло цели. Ввиду очевидной абсурдности подозрений насчет «жидовства» митрополит Даниил не включил этот пункт в свою обвинительную речь.

В 1522 г. в Москву прибыл турецкий посол Скандер, грек по крови. Он привез предложение о мире и дружбе с Россией. Максим Грек виделся с земляком. Даниил использовал это обстоятельство и в 1531 г. обвинил Философа в изменнических сношениях с турками. Обвинения были беспочвенными. Максим верил в высокую историческую миссию богохранимой русской державы и надеялся на возрождение Греции под ее эгидой.

Инициаторы суда стремились очернить ученого переводчика как лазутчика и колдуна с единственной целью — опорочить его переводы, подрывавшие старую веру. Главные обвинения сводились к тому, что грек не признавал русских священных книг, исказил ряд канонических статей в Кормчей, «заглаживал» (стирал) отдельные строки в Евангелии, хулил русских чудотворцев.

После суда Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и умер. Максима Грека перевели в тверской Отрочский монастырь. Его помощников разослали в другие обители. С греческой «прелестью» было покончено раз и навсегда.

Сопоставив взгляды Максима Философа и его противников — осифлян, богослов Г. Флоровский выделил их расхождения в оценке судеб и будущего России. По мнению осифлян, будущее России великолепно и определено раз и навсегда. Максим видел Русь в образе страждущей вдовы, которой судьба уготовила тернистый путь. В глазах осифлян Москва представлялась третьим Римом, строилось великое новое христианское царство. Для Максима, напротив, Россия являлась Градом в странствии.

Максим Грек не соглашался с московскими ортодоксами, отстаивавшими автокефальность русской церкви и ее превосходство над «изрушившейся» греческой верой. Суд над Максимом Греком и образованными монахами-нестяжателями неизбежно вел Россию к религиозной и культурной изоляции и готовил почву для раскола русской церкви в XVII в.